УДК 101.8

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Философия и диалектический материализм, их задачи и возможные перспективы.

Ключевые понятия:
философия,
диалектический материализм,
методология,
ориентир,
интерпретация,
идея,
парадигма,
язык,
коммуникация,
материя.

Злоба нынешнего дня
Злобу прошлого затмила,
Но при этом для меня
Прошлое не стало мило.
Это прошлое досель
Нами вовсе не изжито.
Мы тянули канитель
У разбитого корыта,
Мы на новых рубежах
Били старые баклуши,
Будто незабытый страх
Не покинул наши души,
Будто прежние цари
В наших головах царили
И всё те же звонари
От зари и до зари
Пустозвонством нас морили… *

1.

Диалектический материализм много лет находится в странном положении, уже при Советской власти ему стало не с кем даже поговорить. Философия существует только в диалоге, но в XX веке, лишившись легальной философской оппозиции, советский диалектический материализм с нею лишился и партнеров по диалогу – вдумчивых и серьезных критиков. Оказавшись безраздельно господствующим и единственным «подлинно научным», он, с одной стороны, выродился в утонченную схоластику, бесконечно далекую от запросов жизни, а с другой стороны, находясь под бдительным контролем власти, превратился в идеологию. Его схоластически-идеологический характер привел к формализму и бессмысленности учебных лекций, к массовому представлению о том, что философию может преподавать любой неуч, и к ее отторжению как большинством ученых, так и студентами.

У тех, кто получил высшее образование при Советской власти, т.н. «диамат» (диалектический материализм) до сих пор имплицитно понимается в качестве синонима философии. Альтернативные ему философские взгляды в СССР были вынуждены прятаться. Кто-то ушел в области гуманитарных наук, их методологий, преимущественно в историю (А.Я. Гуревич) или филологию (А.В. Михайлов), большинство же занялось историей философии.

Но советский диалектический материализм, при всех своих деформациях, все-таки, оставался философией и побуждал,

*Эпиграф взят из замечательной работы С.Д. Серебряного «О «советской парадигме» (заметки индолога)» [9, с. 4].

в первую очередь, к поиску смысла жизни. Следствием его долголетней работы стало массовое мировоззрение советских образованных кругов. Некогда насильственно освобожденные от религии, они создали свою религию без Бога, переживали восхищение обожествленной и одухотворенной громадой материальной Вселенной, самоубийственную тоску по эзотерическому мирозданию.

К своему итогу советская философия сумела прийти без единой оригинальной и самостоятельной идеи, исключая, конечно, идеи одного из ее нечаянных основателей Ф. Энгельса. Все остальное было в лучшем случае усвоением и перелицовкой западных философских взглядов, создававших иллюзию, что «мы в мировом контексте». Правда, советские философские взгляды западной философией практически не замечались, разве что в целях ответных выпадов «идеологической борьбы».

Главной бедой советского диалектического материализма было невольное монополистическое положение, в которое его поставил партийно-политический контроль за состоянием умов в СССР и бдительное отношение власти к идеологической «чистоте» самих преподавательских «рядов».

2.

Казалось бы, после распада СССР освободившийся от этого контроля диамат должен был воспарить духом, но этого странным образом не происходит. Сохранилось давление на философию уже со стороны сложившегося за полсотни лет философского сообщества, сохранились «старые кадры» университетских кафедр, где в основном и существовала философия, появились министерские ФГОСы, в которых, хоть и в облегченной форме, но воспроизводятся требования выставлять на лекции и на обсуждение по-советски единообразные темы, причем позаимствованные из советских программ, а студентам – экзамены сдавать, в том числе и министерские ФЭПО. Сохранилась политика подбора кадров на кафедры, минуя философские факультеты, из числа своих выпускников, знающих о философии только в пределах учебников и узких тем диссертационных работ, да еще из бывших руководящих работников местных администраций. Осталось и пренебрежительное отношение к собственной философии со стороны специалистов других кафедр. И во многом осталась привычка к покорному подчинению власти, тоска по контролю, бросившая массу преподавателей философии в сторону патриотического официоза.

И вместе с этим, осмелюсь утверждать: к*ак показывает история, сохраняет свою культуру и исторически развивается только тот народ, в котором есть философия, и в котором она не подменяется ни эзотерикой, ни политической, ни церковной, ни националистической идеологией.* Так, что если мы хотим иметь исторически развивающуюся Россию, то следовало бы, в первую очередь, поддерживать не нанотехнологии и не прикладные науки, а русскую литературу, русские гуманитарные науки, многообразие взглядов новой русской философии, фундаментальные исследования в естествознании и образование. Причем реально поддерживать, создавая соответствующие организационные условия, а не ограничиваться заявлениями о намерениях и демагогией.

3. Практичность философии

Уже приходилось писать о роли философии в общественной жизни. Философия – особое мышление, с ним связывают отрешенность от земных нужд, возвышенность и загадочность.

Наверное, приятно жить в башне из слоновой кости или сибаритствовать, подобно философу К.П. Пруткову, но познание существует не ради познания и удовольствия, оно предназначено для достижения практических целей. Практичность философии, в частности, состоит в ее методологическом и для наук, и вообще для любого дела характере. С XX века она – методология антропологических исследований, наук о духе или о культуре, то есть, социальных и гуманитарных наук. И она же лежит в основе любого грамотно начатого предприятия.

Философия имеет методологическое значение потому, что она выражает родовую природу самого человеческого разума, а ее внутренняя структура соответствует структуре познания и практики, и определяет тот ракурс, под углом которого ученый воспринимает и познает свою предметную область, а предприниматель начинает бизнес. Здесь, конечно, имеется в виду не заказ на проведение исследовательских или практических работ. Философия выражает такое направление познания, в каком человек вообще способен познавать, и этим

очерчивает границы научной работы, а предприниматель оценивает осмысленность и перспективность дела. Она как бы определяет пространство, где научное исследование возможно, а наука заполняет это пространство конкретными знаниями. Это очень широкое пространство, и оно непрерывно расширяется, но в каждый отдельный момент, оно не является бесконечным. Очерчивая его, философия создает контекст, необходимый для понимания и осмысления знаний и результатов труда.

Поясню, например, помимо науки, философия – единственная форма рационального познания, и когда наука попадает в кризис, когда она вынуждена пересматривать основания своей картины мира, ей просто приходится обращаться к философии за идеями, потому что иного варианта нет. В условиях кризиса ее собственные методы перестают срабатывать так, как этого хотелось бы, их применение резко увеличивает вероятность ошибки. И ученые это делают, либо обратившись к философским трудам, либо самостоятельно. Даже физики с математиками и биологами вспоминают название основного труда И. Ньютона и смиряются. Э. Мах, Н. Бор, А. Эйнштейн, И. Пригожин, А. Пуанкаре, К. Саган, Э. Шредингер, С. Курдюмов, С. Капица, К. Лоренц, В. Моисеев, Н. Винер, Д. Нейман, А. Тьюринг и множество других начинают свои теории с очень грамотных философских рассуждений. Даже те, кто как Р. Фейнман не переваривает философию, вынуждены выступать с вполне философскими лекциями о характере физических законов.

Вплоть до того времени, пока наука строго и однозначно не определила своего места, задач и границ, и там, где она до сих пор их не определила и не установила различие между собою и философией, каждый крупный ученый – создатель новой теории или нового подхода – осознавал себя одновременно и как философ, например, в литературоведении – М.М. Бахтин, в истории – Л. Февр, М. Блок, А.Я. Гуревич, в психологии – К.-Г. Юнг, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Ясперс, С. Жижек, Ж. Лакан, в этнологии – В. Пропп, К. Леви-Стросс, в социологии – К. Маркс, П. Сорокин, М. Вебер и т.д.

Наука так или иначе опирается на опыт. Когда появляются принципиально новые проблемы, опыта попросту нет, либо он крайне недостаточен из-за неопределенности и неустойчивости предметной области, из-за недостаточного для обработки и обобщения числа фактов. Тогда науке и приходится обращаться к философии, так как это единственная, помимо нее, форма рационального познания, какая есть в человеческом распоряжении. А что делать, если новые идеи не высчитываются аналитически, а рождаются *только в философском мышлении, предназначенном для определения смысла!?* Аналитически образуется лишь формальный дискурс логических суждений и математических выводов, но их еще надо понять.

Философия, конечно, очень субъективна, но когда исчерпывается ресурс научных идей, некогда заложенных опять-таки ею в распадающуюся картину мира, она способна предложить еще полсотни новых взглядов. Из них сорок девять, может быть, окажутся ошибочными, но одна позволяет преодолеть кризис. Пятьдесят идей, это конечное число, каждую из них легко превратить в научную гипотезу и проверить, та, которая подтвердится, становится основой будущей научной картины мира. Подтвердившаяся идея методологична уже тем, что направляет познание строго в одну сторону. Философия не создает научных методов и в принятом смысле не является познанием, например природы, это рациональная форма ориентации ученых в неизвестной реальности, самопознание и самоопределение их мышления, позволяющее ему существовать. Но она методологична в плане определения целей, а конкретные методы наука разрабатывает для себя сама.

Обращение к философии диктуется еще и тем обстоятельством, что, сознавая ее необходимость, сегодняшнее гуманитарное образование в России, тем не менее, по-прежнему исходит не из современного состояния философии, а из советского диалектического материализма. А он лишь частично приспособлен для того, чтобы выступать методологией и то, главным образом, позитивного познания. Традиционный диалектический материализм СССР даже в естествознании справляется сегодня не во всех областях. И тем более, он не пригоден в социальных и гуманитарных науках. В нем попросту нет необходимого инструментария, например, понятий «разум», «рациональность», «воля», «свобода». Точнее, они рассматриваются, но, по преимуществу, в контексте т.н. «зарубежной философии». Материалистической же позицией, классовым подходом, теорией формации и законом единства и борьбы противоположностей в советской трактовке, основополагающими для унаследован-

ного нами диалектического материализма, многое не объясняется.

Когда человек разумно мыслит, он поневоле философствует. Происходит это потому, что человек – существо, занятое каким-нибудь делом. Для того чтобы действовать, необходимо знать: что, как, зачем делать. Философия представляет собою ту сферу разума, какая выдвигает именно эти конструктивные для деятельности идеи и позволяет понимать абстрактные знания.

В обыденных делах профессиональная философия не нужна, там достаточно житейского философствования. Но бывают такие проблемы, с какими человечество сталкивается впервые, и ни у кого нет опыта и знаний, необходимых для их решения. К ним относятся, например, проблемы глобализации, международного терроризма, особенно государственного, изменения климата, искусственного интеллекта, виртуальной реальности, смены пола, пересадки органов, клонирования, эвтаназии и т.п. На сегодня попросту нет достаточного материала для научного решения проблемы генномодифицированных продуктов, где последствия могут сработать через поколения, а эксперименты на дрозофилах и крысах как-то не убеждают. Нет достаточного материала для четкого вывода о влиянии смены пола на психику, на дальнейшую судьбу и, вообще, на срок жизни. *Идеи и ориентиры, необходимые при решении проблем принципиально новых для самой родовой природы человека, разрабатывает философия.*

4.

Выдвигая идеи, философия решает несколько задач, необходимых для функционирования науки и практики.

Во-первых, ее идея представляет собою их основной стратегический ориентир. Это не столько точная и однозначная цель, подобная мишени для стрелка, сколько направление, горизонт перспективного познания. В рамках очерченного горизонта наука сама определяет конкретные предметы, задачи, получает знания и предлагает собственные программы практической деятельности. Границы же горизонта познания определяются картиной мира и философской идеей, лежащей в ее основе.

Во-вторых, философская идея очерчивает горизонт интерпретации, то есть, пространство, в рамках которого существуют взаимосвязанные друг с другом научные знания. В деталях структура такого горизонта тоже разрабатывается науками. Однако это пространство необходимо, чтобы полученные знания можно было интерпретировать и понимать, то есть, наполнить их ценностным содержанием, смыслом и значением. Интерпретировать и понимать – это значит получить новое знание и поместить его в контекст культурно-исторической эпохи, в рамки сложившегося типа субъективности и рациональности или иного, необходимого для понимания, пространства, чьи границы определяются философской идеей.

Так, факт в гуманитарных науках может быть интерпретирован множеством разных способов, в том числе и с точностью до наоборот. Например, было ли восстание декабристов спасительным или разрушительным для тогдашней России, является ли Октябрьская социалистическая революция продолжением Февральской, является ли она самостоятельной революцией или это вообще контрреволюционный переворот? Что такое 90-е гг. XX в. для России: время формирования основ буржуазного строя, демократии и среднего класса или это время должно было завершиться неизбежным распадом страны? Выступает ли в психологии бессознательное неспособностью сознания говорить о самом себе или это особая структура психики, находящаяся за пределами сознания и наполняющая его независимым от него содержанием? Ответы на такие вопросы носят оценочный характер и зависят от философии, выражающей определенную субъективность или точку зрения. Поэтому историческая наука нуждается в разных концепциях философии истории с разными субъективными позициями: психологической науке требуется философия психологии, филологической науке – философия языка, философия литературы и т.д., а юридической науке – философия права.

В-третьих, философская идея неотрывна от частного разумного мышления человеческого индивида. Благодаря этому совпадению идеи с мыслящим индивидом осуществляется *редукция научного знания к личному экзистенциальному опыту, позволяющая получать представление о человеческом смысле знания и понимать его,* а не просто теоретически интерпретировать.

В-четвертых, сама идея представляет собою *парадигму*, то есть, некоторый образец, ориентируясь на который, наука получает ясный ответ на вопрос, что значит для нее познавать.

Например, для того чтобы научное мышление научилось различать знание и понимание, необходимо было, чтобы философия первой поставила перед собой такую задачу. Чтобы в XVII веке появился, наконец, ответ на вопрос, как можно познавать природу, Р. Декарту надо было провести философскую аналогию между нею и башенными часами и сформулировать: природу надо изучать так же, как мы бы изучали любой механизм. Чтобы наука научилась строго формулировать свои законы, потребовалась философская теория пространства и времени.

В-пятых, философия – это язык, на котором такие идеи обсуждаются.

И, наконец, *в-шестых*, это коммуникации, организующие сообщество, где подобные идеи рассматриваются, и это само философское сообщество, переплетающееся с научным, но независимое от него.

Таким образом, **философия разрабатывает стратегические для научного познания и для самоориентации субъектов идеи, именно этим она и выполняет задачу методологического основания науки и практики.** А отсюда вытекает и ее способность рационально конструировать мировоззрение, ставить и решать смысложизненную проблематику. С этим же связана и величайшая опасность для философии быть поглощенной науками, искусствами, религиями или попасть в зависимость от власти, от оппозиционных политических сил и превратиться в идеологию.

5. Диалектический материализм

Тривиально, что следует различать классический диамат конца XIX в. и его упрощенное и идеологически извращенное советское обличие.

Диамат, как и любая классическая философия, аксиоматичен. В.О. Лобовиков хорошо прописывает его логико-аксиоматический характер [8]. Средневековый Бог превратился в Космос Возрождения, затем в эпоху Просвещения он стал той или иной разновидностью Мирового Духа и, наконец, с трудов Ф. Энгельса он трансформировался в Материю, оказавшуюся базовой аксиомой диамата. Диалектический материализм даже частично сохранил атрибуты Бога из средневековой схоластики – вечность и бесконечность, вместе с самим термином «атрибут», приписав их материи [1; 2]. Классическая философия очень похожа на математику, вводя свою аксиоматику, она развивает ее по правилам логики, а полученный результат зависит от аксиом. Материалистическая же философия, к каким безусловно относится и диамат, к тому же корректирует свои взгляды в соответствии с научными открытиями, главным образом, из области естествознания.

Аксиомой диамата выступает материя, как же она дефинируется?

Есть два диалектико-материалистических определения материи, они существенно отличаются друг от друга.

Первая принадлежит Ф. Энгельсу: «Материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения. Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение» суть не более как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» [10, с. 550].

Вторая сформулирована В.И. Лениным: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [6, с. 131].

Разумеется, сходные взгляды можно найти и у Д. Дидро, и у других мыслителей т.н. материалистического направления.

Обе трактовки материи в развитом виде не очень противоречат друг другу. Ф. Энгельс всегда подчеркивал объективность материи и чувственную воспринимаемость ее проявлений, а В.И. Ленин хорошо знал сочинения Ф. Энгельса, вышедшие к его времени. Но дьявол, как известно, прячется в деталях. Советский диамат пошел больше за Лениным, чем за Энгельсом. Дьявольские же детали скрываются в акцентах обоих определений. У Ф. Энгельса *материя – это вся природа, рассмотренная как система объективных вещей,* а понятие материи – не более чем такое слово. А у В.И. Ленина – это философская категория, т.е., в первую очередь, субъективное понятие о природе. И отсюда неизбежно возникают две линии в советском диамате.

Из-за невозможности научного исследования всей бесконечной природы как целого, энгельсовская линия влечет за собою анализ реальной многоаспектной

противоречивости отдельных вещей, не исчерпываемой всего лишь двумя противоположностями, их действительной взаимосвязи, во многом уникальной. И отсюда делается гипотетический вывод о природе как таковой. Здесь изучается причина самодвижения природных систем в целом и каждой отдельной вещи. Отсюда возникает представление о пространстве и времени природы, складывающихся в движении вещи, об уникальных пространственно-временных формах, присущих вещам и о самих вещах, которые, независимо от субъективности, могут рассматриваться как точки отсчета своих пространственно-временных континуумов. Ф. Энгельс во многом предвосхитил идею «наблюдателя» А. Эйнштейна тем, что пространство и время у него создавались и конфигурировались самими телами. Хотя он, думается, и не интересовался лоренцевыми сокращениями, возможно, и не знал об отрицательных результатах опыта Майкельсона-Морли и о кризисной ситуации в физике, возникшей из-за крушения классической идеи эфира. Чувственная воспринимаемость вещей для Энгельса была необходима в силу обязательности чувственной констатации результатов эксперимента в классической физике. А материя как вся бесконечная система природы представляла собою только общее понятие, слагающееся *апостериорно* из множества знаний о вещах.

Что касается методологии, то известно, как повлияла гегелевская диалектика на формирование взглядов Ф. Энгельса и К. Маркса. Однако Г. Гегель был идеалист, и отсюда дуальный характер его диалектики и его противоположностей, он обусловлен субъект-объектным дуализмом, скрытым в сущности любой философии эпохи модерна. И если К. Маркс, имея своей предметностью, в конечном счете, общественную практику, обусловленную и объективно, и субъективно, оперировал, хоть и по-своему переосмысленными, но двумя противоположностями, найденными им в сущности общества, то, думается, Ф. Энгельс развивал диалектику *природы*, по существу объективной и лишенной всякого субъективизма.

Субъективность в ней появлялась только от *познающего* субъекта, но никак не от творчески участвующего в развитии природы как таковой. А отсюда в диалектике Ф. Энгельса не могло появиться ни гегелевского, ни марксовского диалектического противоречия с двумя противоположностями. Противоречивость его материалистической диалектики обусловливалась системным характером природы, состоящей из множества тел и явлений, и она должна быть *многофакторной*. А логика Энгельса становилась больше похожей на дискурсивную логику постмодернистов конца XX века, чем на гегелевскую диалектику, в ней мысль должна идти от вещи к вещи по каналу очень извилистой связи между ними.

Безусловно, мысли Ф. Энгельса приходилось делать естественные уступки общему модернизму эпохи, перекликаться и с Г. Гегелем, и, разумеется, с подходом К. Маркса, но он был не только философом, но и ученым, обобщающим взгляды естественных наук его времени и выдвигающим новые идеи и гипотезы.

У В.И. Ленина акцент прямо обратный, связанный больше с Г. Гегелем и с К. Марксом, чем с Ф. Энгельсом. Причем К. Маркс был все-таки органично включен в культуру Западной Европы, его логика напрямую соответствовала общему модернистскому духу классического европейского капитализма. В.И. Ленин же опирался больше на русскую культуру, затронутую капитализмом лишь в малой степени, его диалектика во время написания «Материализма и эмпириокритицизма» была абстрактней марксовской и ближе к Г. Гегелю, чьи работы, судя по «Философским тетрадям», он изучал подробнее и глубже, чем труды К. Маркса. От него в «Философских тетрадях», кажется, только ранняя работа «Святое семейство», чей конспект занимает меньше 40 страниц, но больше половины всего тома – Г. Гегель [7].

Ленин – осознанный и убежденный, *принципиальный* абстрактный материалист, а не как Энгельс, у кого материализм не принцип, а продукт изысканий в области философии естественных наук. В ленинском понимании материи на переднем плане *категория*, то есть *субъективное понятие*, и она *априорна*. И что бы ни имел в виду сам В.И. Ленин, но восьмидесятилетнее конструирование всего общественного организма СССР на базе его мировоззрения, зубрежка этого определения в советских школах и вузах сделали свое дело. Материя у него лишается всякой одухотворенности и побуждает рассматривать весь мир как объективную и априорно бездуховную массу, противостоящую сознанию субъекта. Это обстоятельство придает ленинскому материализму субъективно-идеалистический и позитивистский харак-

тер, показанный В.О. Лобовиковым. Такая субъект-объектная дихотомия и делает его доступным для логического анализа в духе аналитической философии.

Что касается самой субъективности, то это не просто, и не в первую очередь теоретический концепт. Это характеристика сознания каждого человека, способного и нацеленного на преобразование мира в своих интересах, на превращение его в комфортное для себя место обитания. Субъективность имеет человеческую онтологию. И отсюда следует, что когда материализм В.И. Ленина перестает быть абстрактно-философским и попадает в конкретные условия революции и гражданской войны, он становится не столько революционным, как марксовский натуралистический гуманизм, сколько террористическим. Объективная реальность, непременно данная людям в их ощущениях, должна формировать агрессивный тип мировоззрения и представляться как враждебный и бездуховный массив, нуждающийся в научном познании и практическом преобразовании.

Да, но та объективная реальность, какая противостоит каждой отдельной человеческой субъективности и дана людям в их *ощущениях*, т.е. в чувственном, а не внутреннем опыте, не экзистенциально, включает в себя огромное множество других людей с их частными, групповыми, национальными и т.п. культурами. А следовательно, установкой данного определения попросту предписывается, что все *люди, с которыми любая человеческая субъективность имеет дело, не более чем данные в ощущениях физические тела, лишенные духовности, сознания, культуры, собственной субъективности, и подлинно научное и гуманистическое к ним отношение состоит в их преобразовании под ту идею всеобщего счастья, какую субъект, обладающий силой и властью, считает подлинно научной*. Даже сегодня эта идея узнаваема в политическом контексте.

Не думаю, что сам В.И. Ленин именно это имел в виду, однако здесь происходит по известному анекдоту: «Как написано, так и читать надо»! Эта установка на долгие годы предписала советскому обществу ужасающий цинизм в межчеловеческих отношениях, и она была воплощена в качестве реальной, а не декларированной моральной нормы властью, естественно, состоящей из людей, находящих себя субъектами, как раз и располагающими необходимыми полномочиями и силой. Она превратила диалектический материализм в идеологию именно потому, что ленинская мысль невольно оказалась моральной и парадигмальной для всего потока познания и практики целой страны.

6.

И в то же время потенциал у этой философии продолжает сохраняться благодаря Ф. Энгельсу, а отчасти и В.И. Ленину, он же не ограничился в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» только одним определением. Да и охарактеризованный выше акцент появился у этого определения из-за того, что вся работа носит полемический характер, и само определение вполне может считаться научным из-за дихотомии субъекта и объекта и из-за характерного для классической науки признака обязательной эмпирической фиксации предмета. В дальнейших рассуждениях В.И. Ленин, хотя и в не всегда продуманно и несколько сумбурно, но придерживается позиции Ф. Энгельса, знакомой ему по «Анти-Дюрингу».

Сочетание энгельсовского материализма с ленинским позитивизмом привело к рождению своеобразной внутренне противоречивой и способной к саморазвитию идеалистически-материалистической философии. Если освободить ее от советских и от нынешних идеологических схем и ввести в пространство реального многообразия философских взглядов и дискуссий, может получиться очень любопытная концепция.

Прежде всего, материализм Ф. Энгельса, несмотря на неоднократно декларируемый им монизм в духе классической германской и общеевропейской философии, по факту был материалистическим плюрализмом и требовал совсем не такой аксиоматики, как у В.И. Ленина. Ему в равной степени не подходил ни один монистический постулат, ни средневековые догматы символа веры, ни гегелевский Мировой Дух, ни Материя. Он нацеливался на философский анализ непрерывно изменяющейся взаимосвязи между отдельными и конкретными вещами, подтверждаемыми чувственно и практически, и на исследование эмпирических знаний об этих вещах. Его аксиома – движущиеся тела природы.

Это обстоятельство и помешало Ф. Энгельсу достроить «Диалектику природы» до завершенной философской системы, подобной гегелевской. Его философия традиционно требовала постулата, и он постулировал бесконечную и неисчерпаемую, качественно разнообразную природу, к тому

же находящуюся в непрерывном изменении, превратил именно ее в предмет исследований. Применение к такой предметной области логики марксовского «Капитала», внутренней для предмета, совпадающей с его основным законом, применение *логики феноменологического саморазвертывания предмета,* его, как называл К. Маркс, «монолога», нуждалось в плюралистической трансформации марксовской диалектики и подталкивало к трактату бесконечного размера, требовало бесконечного времени для того, чтобы его написать. Уже К. Маркс не смог самостоятельно дописать свой «Капитал», тем более сложно было Энгельсу завершить философскую систему всей природы. «Диалектика природы» может быть написана только философской традицией, и то при условии, что она будет длиться вечно.

Философия Ф. Энгельса фактически должна была обращаться не к природе, а к какому-либо отдельному ее эмпирически зафиксированному явлению и рассматривать вопрос о его возможных состояниях в конкретных природных средах, о возможных способах теоретического описания этих состояний и их эмпирической проверки. Такая философия может стать прекрасной методологией естественных наук в том смысле, что оказывается источником множества ее конструктивных гипотез.

Философия же В.И. Ленина, напротив, монистична, и поэтому не может быть материализмом в духе Ф. Энгельса. У нее просматриваются три направления развития.

Первое продемонстрировал И.В. Сталин, педантично воплотив ее в организационно-управленческие схемы самодержавной практики социального строительства и превратив в идеологию.

Второе, это, помимо социальной практики, философия личной агрессии в отношении к эмпирически воспринимаемым и сущностно бездуховным индивидам, философия терроризма. Здесь она тоже способна быть идеологией общества, например с примитивной экономикой, исчерпывающейся добычей, транспортом и продажей сырья, с неизбежной примитивной общественной организацией, наподобие совета акционеров и директоров сырьевой компании, с примитивной политикой, требующей контроля компании за всеми условиями добычи и транспорта. Такая идеология требует примитивной стратификации общества – те, кто занят в добыче и транспорте, и все остальные по остатку. Она обусловливает примитивную систему образования – сырьевые гипер-ПТУ, примитивный патриотизм ресурсодобытчиков и сбытчиков и примитивное потребительское мировоззрение. Ей нужно, чтобы население не хотело работать, зарабатывать, требовать свободы труда и заработка. А нужно, чтобы оно кормилось только из рук компаний и не запрещало заглядывать в свой карман. Этот тип философии был воплощен в жизнь в СССР и особенно в постсоветской России.

И третье, тот момент, где ленинская философия может найти, как думается, точки соприкосновения с Энгельсом. Это рефлексия индивидом своего места и роли в способном к рефлексии мире других индивидов, философия современности и экзистенциального диалога во всем спектре его стадий и потенциалов от конфликта до совместного воспроизводства коммуникаций в найденных точках совпадения на конкретных площадках. Ленинский эмпиризм и позитивизм в этом случае снимается и превращается в простую констатацию непреложного факта существования партнеров.

Тогда Ленин как бы дополняет Энгельса применительно к многообразному положению человеческих индивидов в сложно устроенной и непрерывно меняющейся общественной жизни, все время ставящей каждого перед ситуациями, в которых необходимо создавать альтернативы, принимать решения и выбирать направления.

Проще говоря, если бы философия СССР пошла по этому пути, ей бы не пришлось превращать диалектическое противоречие в теоретическую схоластику. Оно бы стало для нее единством и борьбой, в первую очередь, между реальными людьми, а не абстрактными классами примитивных обществ, а затем между ними и властью, вместе со всей социальной институцией. Но тогда не было бы идеологии ни сталинского диамата, ни послесталинского, а было бы диалоговое и наполненное непрекращающимися дискуссиями честное пространство современной философии.

---

1. Алексеев, П.В. Философия [Текст] / П.В. Алексеев, А.В. Панин. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2005. 608 с.

2. Введение в философию [Текст]: учеб. пособие для вузов / авт. колл.: И.Т. Фролов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003. 623 с.

3. Грэхэм, Л.Р. Естествознание; философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе [Текст] / Л.Р. Грэхэм. М.: Изд-во полит. литер., 1991. 480 с.

4. Красиков, В.И. Советская философия 50–

80 гг. XX в. [Электронный ресурс] / В.И. Красиков // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2010. № 4. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/7764-sovetskaya-filosofiya-50–80-gg-xx-v.html (дата обращения: 05.03.2014).

5. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии. Очерк седьмой «Советский марксизм» [Текст] / С.А. Левицкий // Сочинения. В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской философии. М.: Канон+. РООИ Реабилитация, 1996. 500 с.

6. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собран. соч. Т. 18. М.: Изд-во полит. литер., 1968. С. 7–384.

7. Ленин, В.И. Философские тетради [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собран. соч. Т. 28. М.: Изд-во полит. литер., 1973. С. 3–623.

8. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате». (Дискретная математическая модель логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи) [Текст] / В.О. Лобовиков // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.

9. Серебряный, С.Д. О «советской парадигме» (заметки индолога) [Текст] / С.Д. Серебряный. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. 80 с.

10. Энгельс, Ф. «Диалектика природы». Заметки и фрагменты [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 20. М.: Гос. Изд-во полит. литер., 1961. С. 343–629.

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. *Filosofija* [Philosophy]. Moscow, TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005, 608 p. (in Russian).

2. Frolov I.T. i dr. *Vvedenie v filosofiju: Ucheb. posobie dlja vuzov* [Introduction to philosophy. Manual for Universities]. Moscow, Respublika, 2003, 623 p. (in Russian).

3. Grjehjem L.R. *Estestvoznanie; filosofija i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Sojuze* [Natural science, philosophy and human behavior studies in the Soviet Union]. Moscow, Izd-vo polit. liter., 1991, 480 p. (in Russian).

4. Krasikov V.I. *Sovetskaja filosofija 50–80 gg. XX v.* [Soviet philosophy of the 50s–80s XX century]. Zhurnal'nyj klub Intelros «Credo New» (Journalistic club Intelros «Credo New») 2010, no. 4, available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/7764-sovetskaya-filosofiya-50–80-gg-xx-v.html (accessed 5 March 2014) (in Russian).

5. Levickij S.A. *Ocherki po istorii russkoj filosofii. Ocherk sed'moj «Sovetskij marksizm»* [An outline of history of Russian philosophy. Outline seven "Soviet Marxism"]. Moscow, Kanon+, ROOI Reabilitacija, 1996, 500 p. (in Russian).

6. Lenin V.I. *Materializm i jempiriokriticizm* [Materialism and empirocriticism]. Moscow, Izd-vo polit. liter., 1968, pp. 7–384 (in Russian).

7. Lenin V.I. *Filosofskie tetrad* [Philosophical papers]. Moscow, Izd-vo polit. liter., 1973, pp. 3–623 (in Russian).

8. Lobovikov V.O. *Socium i vlast'*, 2014, no. 1, pp. 127–138 (in Russian).

9. Serebrjanyj S.D. *O «sovetskoj paradigme» (zametki indologa)* [On the "Soviet paradigm" (notes of an indologist)]. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2004, 80 p. (in Russian).

10. Jengel's F., Marks K. «*Dialektika prirody». Zametki i fragment* ["Dialectics of nature". Articles and fragments]. Moscow, Gos. Izd-vo polit. li-ter., 1961, pp. 343–629 (in Russian).

UDC 101.8

IDEALISTIC MATERIALISM

Pavlov Aleksandr Valentinovich,
Tyumen State University, Professor of the Chair of Philosophy, Doctor of Philosophic Sciences, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
Philosophy and dialectical materialism, their tasks and possible prospects.

Key concepts:
philosophy,
dialectical materialism,
methodology,
guideline,
interpretation,
idea,
paradigm,
language,
communication,
matter.